

Глобализация неопределённости, войны и инфляции

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Николы Капеллуто “Crisi del debito e crisi dell’ordine”.

Концепции глобализации и деглобализации представляют собой теоретический синтез множества процессов и линий.

В версии 1989 г. Джона Уильямсона из Института Петерсона, глобализация представляла собой политическую программу полного открытия международных рынков. В концепцию вошли кризис Российской империи, первые китайские реформы, «*восточноазиатское чудо*», провозглашённое Всемирным банком, бесславное отступление кейнсианства перед лицом давления *дерегуляции*, конец государственного интервентизма, расцвет экспансии международной торговли. Всё это, казалось, свидетельствовало о торжестве либеристского порядка во всём мире. Уже в то время либеристский триумфализм казался чрезмерным (и включал откровенно безумные идеи, как “конец истории”), поскольку сознательно игнорировал роль государственного капитализма как в пробуждении Китая, так и в успехах тех экономик, которые впоследствии назовут “азиатскими тиграми”. Для марксистов открывалась историческая фаза, которую мы обозначили как цикл *империалистического либеризма*.

В период кризиса 2008 г. и в последующие годы эти теоретики столкнулись с проблемой деглобализации. После паники они начали задумываться о всеобщем ограничении мобильности капитала, свою роль в этом сыграло типичное для каждого кризиса предпочтение ликвидности. Но, прежде всего, идеологический кризис либеризма и страхи средних слоёв дали волю ксенофобии, неприятию глобализации и совранистским требованиям, которые в современных США приняли свою самую изысканную форму «*внешней политики средних классов*», т. е. политики, обещающей вернуть рабочие места, капитал, технологии и доходы или сохранить их внутри страны. Антиглобалистские идеологии представляют собой страхи собственнических прослоек, которые в Соединённых Штатах за двадцать лет либеризма в среднем утроили свои активы, но теперь не считают, что либеризм крупных финансовых групп может дать им какие-либо гарантии, несмотря на то, что в посткризисный период сумели в среднем удвоить свои активы.

В Европе динамика величины средних активов была менее впечатляющей. Исследование ЕЦБ охватывает период с 1999 по 2019 г.: в восходящей фазе цикла средние активы семей выросли на 40 %, после кризиса они оставались стабильными до 2019 г. Средние значения не описывают сильное и даже чрезмерное неравенство, созданное кризисами и фискальной и монетарной политиками: они наказали, прежде всего, пролетариат, но также увеличили дистанцию между буржуазными и мелкобуржуазными слоями и децилями.

В концепции так называемой деглобализации смешаны разнообразные процессы. Во-первых, кризис *мультилатерализма* – отравленный продукт унилатерализма США. Жертвой этого кризиса стали судебные органы ВТО, взятые в заложники Вашингтоном и утратившие свою функциональность. Во-вторых, процессы реструктуризации и замещения внутри глобальных цепочек добавленной стоимости, которые с разной степенью интенсивности сопровождают каждый кризис, включая катастрофу на АЭС “Фукусима-1” в Японии. Реструктуризация, затронувшая все метрополии, произошла уже в 1970-е – 1980-е гг. в ответ на нефтяные кризисы 1973 и 1979 гг., сопровождавшиеся как политическими, так и военными кризисами, и привела к освоению новых месторождений углеводородов, ставшему возможным благодаря росту цен на нефть. Сегодня пандемия, война и антикитайский активизм Вашингтона, сопровождаемые санкциями и субсидиями, усиливают необходимость *диверсификации* поставщиков. В-третьих, стихийные процессы регионализации торговли, нашедшие выражение в значительной части двусторонних или многосторонних соглашений о свободной торговле, которые отражают концентрацию и централизацию производственных и сбытовых процессов. Они являются частью той *фрагментации*, которую осуждают ВТО и МВФ. Эти процессы запустили политику регионализации правительств и нашли отражение в геополитических стратегиях, варьирующихся от *декаплинга* до более мягкого *дерискинга*, то есть снижения рисков чрезмерной зависимости от одного поставщика (будь то Россия или Китай), одним из

вариантов которого стала более дружественная по отношению к Пекину формула “Китай + 1”. В-четвёртых, возвращение государства в экономику с мерами социальной защиты и защиты рынка усиливают роль государства в промышленной политике, регулировании и попытках направлять потоки торговли и капитала. Наконец, политическое обострение в отношениях держав. Оно приняло форму технологического *декаплинга* в сфере передовых технологий с явной целью отсрочить догоняющее развитие Китая и сохранить технологическое первенство США в мире. Хотя полный декаплинг от китайского гиганта невозможен, он стал идеологической формулой в противостоянии и рычагом, заставившим и другие страны примыкать к этой линии.

Рецессия 2009 г. стала первым крупным спадом в послевоенной мировой торговле. Международные институты, исходя из отношения глобального экспорта товаров и услуг к ВМП, отметили, что пик процесса глобализации пришёлся на 2008 г. Это отношение постоянно росло с 1986 г., когда оно составляло 16,8 %; в 2000 г. оно выросло до 23,6 %, а в 2008 г. – до 31 %. После 2008 г. оно следовало зигзагообразной траектории, достигнув своего минимума (26,4 %) во время двух рецессий 2009 и 2020 гг. Но затем соотношение так и не упало до уровня 2000 г., более того, в 2022 г. оно почти повторило исторический пик – +30,6 %. Мировой экспорт товаров и услуг, исключая перемещения между странами ЕС (единый рынок рассматривается как внутренний рынок), демонстрирует ещё большее восстановление: отношение экспорта товаров и услуг к ВМП увеличилось с 18,1 % в 2000 г. до 23,2 % в 2008 г. и 26,1 % в 2022 г. Если рассматривать только экспорт товаров, то наибольший вклад в восстановление внёс ЕС, в то время как относительный вклад Америки и особенно Китая снизился.

Главы ВТО и МВФ представили две полярно противоположные концепции международной торговли, но обе явно критикуют Вашингтон.

По оптимистической версии генерального директора ВТО Нгози Оконджо-Ивеалы, *«разговоры о деглобализации расходятся с данными о торговле. Глобальная торговля товарами достигла рекордного уровня в 2022 году. Более трёх четвертей торговли осуществлялось в рамках тарифных условий “режима наибольшего благоприятствования”, которые правительства распространили на всех членов ВТО. [...] Торговля между Соединёнными Штатами и Китаем достигла рекордного уровня в 691 миллиард долларов в 2022 году, что на 24 % выше, чем в 2019 году. Доля промежуточных затрат – на товары, используемые для производства других товаров – в мировом экспорте остаётся примерно постоянной, что позволяет предположить, что в международных цепочках поставок не произошло массового решоринга. Компании по-прежнему принимают решения о выборе поставщиков, исходя из соображений стоимости и качества. Политические меры всё ещё могут изменить этот расчёт, но не в одночасье»*. Оконджо-Ивеала предлагает начать *«реглобализацию»*, которая включит частичную переориентацию *«в нескольких секторах»* и откроет доступ к цепочкам поставок таким странам, как Бангладеш, Камбоджа, Марокко и Вьетнам. При обширном *решоринге*, делящем мир на *«два отдельных блока, [...] производственные потери будут намного больше, чем те, что были вызваны глобальным финансовым кризисом»*. Оптимистичная реглобализация Оконджо-Ивеалы, похоже, содержит в себе предложение сторонникам реиндустриализации “развитых” стран. Нынешняя реглобализация, утверждает она, будет отличаться от предыдущей, которая благодаря *«индустриализации, основанной на экспорте, трансформировала Восточную Азию»*. Драйверами нового роста станут прежде всего услуги.

Директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева, напротив, крайне встревожена быстрым ростом протекционизма и рисками фрагментации мирового порядка. Она заявляет: *«Международное сотрудничество отступает. [...] Мир является свидетелем растущей фрагментации – процесса, который начинается с растущих барьеров для торговли и инвестиций и в своей крайней форме заканчивается распадом [объединения] стран на конкурирующие экономические блоки. [...] Фрагментации способствует ряд сильных держав»*. Цена этого процесса будет высокой: *«Со спадом торговли и увеличением барьеров глобальный рост испытает серьёзный удар. Согласно последним прогнозам МВФ, годовой рост ВМП в 2028 году составит всего 3 %, что является самым низким прогнозом за последние три десятилетия»*.

Георгиева настаивает на осуждении торговых барьеров: *«Усиление ограничений торговли товарами и услугами между странами может сократить ВМП на 7 %, или на 7,4 триллиона долларов, что эквивалентно совокупному ВВП Франции и Германии. [...] В последние годы торговые барьеры быстро распространялись: в 2019 году страны ввели менее тысячи торговых ограничений, в 2022 году это число выросло почти до трёх тысяч»*. Георгиева явно открыта к недавним требованиям БРИКС: квоты для членов МВФ должны распределяться исходя из их *«относительного положения в мировой экономике»*, фонд должен отражать *«экономические реалии сегодняшнего мира, а не прошлого века»*, и иметь *«инклюзивное управление»*. Инклюзивность, по мнению директора-распорядителя, необходима потому, что надвигаются бури. Заключение этого выступления на платформе CFR, судя по всему, призвано подать тревожный сигнал либеристским группам Восточного побережья: *«Период быстрой глобализации и интеграции подошёл к концу, и протекционистские силы находятся на подъёме. Возможно, единственное, что можно сказать наверняка об этой новой хрупкой и фрагментированной глобальной экономике, – это то, что её ждут потрясения. [...] Это будет ухабистая поездка. Международная финансовая система должна пристегнуться»*.

Если относительный оптимизм ВТО подтверждается недавней статистикой, то тезис о деглобализации находит серьёзные аргументы в снижении объёмов движения капитала, которое гораздо более выражено, чем в сфере торговых потоков. В годовом отчёте ЮНКТАД (органа ООН, мониторящего международные инвестиции) за 2020 г. было написано: *«Трансграничные инвестиционные потоки в физические производственные активы перестали расти в 2010-х годах»*. Прямые иностранные инвестиции не прекращались, за исключением периода рецессии, но их поток ослаб и не может продемонстрировать динамика лет процветания, особенно в “развивающихся” странах, которые не способны заменить недостающий иностранный капитал внутренним. Транснациональные корпорации сохранили среднюю норму прибыли на уровне около 6 %, а за последние два года она приблизилась к 9 %.

Кризис глобальных отношений и последующие кризисы оказали долгосрочное воздействие на метаболизм капиталистического риска.

Попытки объяснить замедление темпов роста внутренних и международных инвестиций затронули многие проблемы, возникшие в последние десятилетия.

Некоторые экономисты рассматривают глобализацию и деглобализацию как циклическое явление. Петер А. Г. ван Бергейк, профессор международной экономики и макроэкономики в Университете Эразма Роттердамского, считает, что цикличность возникает из-за увеличения относительных издержек по сравнению с выгодами глобализации. По сути, это версия теории уменьшающейся отдачи, или роста издержек на капитал (постоянный и переменный) в странах с “развивающейся” экономикой.

Большое количество учёных помещают в центр замедления глобализации или тенденции к деглобализации демографический спад и старение населения, так как последние имеют определённые последствия для производительности труда и производительности системы в целом, а также приводят к необходимости повышать норму сбережений в ущерб норме инвестиций.

«Вековая стагнация» бывшего министра финансов США Ларри Саммерса объясняла стагнацию инвестиций падением гипотетической “естественной процентной ставки”, то есть той, которую инвестор готов заплатить, чтобы получить ссудный капитал для инвестирования. На определённых этапах капиталистического цикла предполагаемая “естественная ставка” становится отрицательной: это означает, что инвесторам неудобно брать займы даже при нулевых процентных ставках. Отсюда и отрицательные процентные ставки, с которыми столкнулся ЕЦБ.

Бен Бернанке, будучи председателем ФРС, поддержал получивший значительное внимание тезис о *saving glut* (переизбытке глобальных сбережений). Большие массы прибавочной стоимости, добытые в странах с “развивающейся” экономикой, в частности в Китае, в некоторых странах Восточной Азии и регионе Персидского залива, получающих нефтяные доходы, а также в России, Нигерии и Венесуэле, были перелиты в развитые метрополии, особенно в Америку. Эта прибавочная стоимость финансировала частное потребление американцев и покупку домов через кредитную систему; импорт товаров для

удовлетворения потребительского спроса быстро ухудшил торговый дефицит США, в то время как обилие сбережений снизило процентные ставки, раздувая ипотечный пузырь во Флориде и Калифорнии. Бернанке отмечал, что американская финансовая система, которая должна была переработать *saving glut* в иностранные инвестиции в “быстро развивающиеся” страны, по-прежнему путалась в процессе их переработки внутри Соединённых Штатов. Это было более проницательное прочтение так называемого “Бреттон-Вудса – II”, который другие авторы представляли как начало молчаливого союза между Китаем и Америкой, призванного укрепить долг Вашингтона.

Наряду с тезисами, призванными объяснить критические точки тенденции глобализации, появились позиции, указывающие на деглобализацию и фрагментацию как на выбор, к которому следует стремиться. Журналистка *Financial Times* Рана Форухар поддержала эту линию в своей книге 2022 г. *“Homescoring”*. Форухар считает, что «определённый уровень деглобализации – это не отступление или провал, а необходимость и долгожданное решение», потому что «хорошо, что разные страны и сообщества действуют по-разному». Форухар считает, что «глобализация, которую мы знали в последние десятилетия, потерпела неудачу». Она не верит, что тут можно найти баланс: «Глобализация не вернётся к нормальности. Мы будем жить в биполярном, если не трёхполярном, мире, при этом разные регионы будут двигаться в разных направлениях». Биполярный вариант – это решение, при котором Европа присоединится к США. Журналистка считает, что «регионализация» и «локализация» – оптимальные направления деятельности бизнеса: «регионализация и локализация – это будущее». Форухар напоминает, что технологический *декаплинг* и переделка технологических цепочек уже практиковались Вашингтоном, «когда Япония пыталась доминировать во всей сфере физической инфраструктуры компьютеров». Рейган ввёл тарифы и квоты на японский экспорт, начал субсидировать следующее поколение компьютерных технологий и переместил «многие отрасли промышленности из Японии в Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Малайзию». [...]

Для определения места, которое держава занимает в мире, решающее значение имеет критерий величины её активов и пассивов в международных инвестициях, но в то же время он двойственен. Два главных соперника в нынешнем стратегическом противостоянии – Китай и США играют две диаметрально противоположные роли с точки зрения их чистых международных инвестиций. Китай вместе с Гонконгом представляет собой крупнейшую державу-кредитора в мире с накопленными чистыми активами в 4,292 трлн долл. по состоянию на 2022 г. Соединённые Штаты являются крупнейшей державой-должником с чистыми обязательствами в размере 16,172 трлн долл., и их долг за последние 5 лет более чем удвоился. В своём “Империализме...” Ленин цитирует Шульце-Геверница: «Кредитор прочнее связан с должником, чем продавец с покупателем»¹. Речь идёт не об отношениях частных кредиторов и должников, а об отношениях держав. Кредитором в то время была держава-гегемон – Англия. «Её военный флот играет роль, в случае крайности, судебного пристава. Политическая сила Англии оберегает её от возмущения должников»², – заявлял Шульце-Геверниц. Сегодня держава-гегемон – Соединённые Штаты – является по преимуществу должником, а её иностранные кредиторы (друзья и соперники) владеют 35 % её государственных облигаций. Различные роли не меняют характер связи между должником и кредитором, но усиливают её противоречивый характер: доли американского долга, принадлежащие иностранным правительствам, также составляют решающую часть валютных резервов в долларах; владельцем мировой резервной валюты является, прежде всего, именно должник, и по этой причине он также имеет право налагать санкции на своих кредиторов. Сможет ли Америка справиться с «бунтом кредиторов», например, с требованием коалиции БРИКС реформировать МВФ или с размещением на рынке крупных частей американского долга? Заключённый в августе геополитический квазисоюз между Вашингтоном, Токио и Сеулом ориентирован не только на дипломатию и оборону, но и на доллар. Трёхстороннее партнёрство объявило, что министры финансов этих стран будут встречаться раз в год. Япония и Южная Корея входят в число крупнейших в Азии держав с торговым профицитом. Япония имеет самый большой после Китая и Гонконга консолидированный профицит в Азии – 3,156 трлн долл. Токио также является крупнейшим

держателем американского долга. Южная Корея имеет четвёртый по величине профицит в Азии (771 млрд долл.) и занимает место после Сингапура. Геополитическая коалиция является гораздо более сильной гарантией, чем соглашение о кредитном свопе.

Неравномерное развитие привело к разной степени интеграции различных сфер мировой торговли. В своём выступлении в октябре 2021 г., ближе к концу второго года пандемии, председатель ЕЦБ Кристин Лагард указала на следующий парадокс: в период с 1999 по 2019 г. доля внешней торговли (экспорт + импорт) в ВВП выросла в еврозоне с 31 до 54 %, а в США только с 23 до 26 %. *«Хотя социальная модель Европы означает, что протекционистское давление остаётся ниже, в конце 2010-х годов мы начали наблюдать новый сдвиг в сторону протекционизма в других крупных экономиках»*. Иными словами: Америка, меньше вовлечённая в мировую торговлю, чем Европа, больше пострадала от либеристской интеграции, потому что у неё нет всеобщей системы социального обеспечения. Наступление на глобализацию в форме унилатерализма Трампа началось из менее глобализированной метрополии. Похвалив европейскую модель соцобеспечения за её *«политику распределения»*, Лагард, однако, напомнила о необходимости того, чтобы Европа *«признала, что мир быстро меняется, и перепроверила, является ли её модель роста достаточно сбалансированной»*, исходя из двух соображений. Первое: *«[Возрождение] протекционизма начало сигнализировать о том, что глобальный экономический порядок ставится под сомнение»*. Второе: *«[Темпы] глобализации после 2008 года замедлились, и рост мировой торговли больше не превышал рост ВМП»*.

Лагард также была обеспокоена количеством ограничительных мер, которые ударили по рынкам. *«Тенденция к протекционизму, – предупреждала она, – не проявляет признаков ослабления»*. ЕЦБ подсчитал, что если бы крупная экономика (например, США) подняла уровень барьеров (тарифных и нетарифных) до 10 %, то мировая торговля потеряла бы 3 %, а ВМП – 1 %. За протекционистскими мерами Лагард увидела *«сдвиг в промышленной политике, возглавляемый Китаем и Соединёнными Штатами, в сторону преобладания безопасности над эффективностью в цепочках поставок»*. Это было бы особенно вредно для Европы, учитывая её приверженность глобализации.

Лагард предложила Европе адаптироваться к этим неприятным тенденциям. По её мнению, в долгосрочной перспективе было необходимо вернуть домой полупроводниковую и фармацевтическую индустрии, а также стимулировать рост внутреннего спроса и “зелёных” инвестиций, но не внешний спрос, а правительствам следовало продлить свою экспансионистскую фискальную политику.

В то время уровень инфляции в еврозоне составлял 3,4 %, а ЕЦБ продолжал *benign neglect*³, установив нулевую ключевую ставку и отрицательную ставку по депозитам (-0,50). В феврале следующего года Россия вторглась на Украину, но ЕЦБ продолжил свою экспансионистскую линию, несмотря на ускорение инфляции, связанное с войной. Лишь в июле он начал отчаянную борьбу с ростом цен, осуществив ряд повышений ставки, в то время как инфляция подскочила почти до 9 %. План Лагард по сосредоточению внимания на росте внутреннего спроса начал пересматриваться, и ЕЦБ предложил правительствам прекратить субсидии, введённые из-за пандемии, чтобы присоединиться к борьбе с инфляцией. Самым крупным рычагом экспансии, который всё ещё был доступен, стал фонд “Next Generation EU” объёмом 750 млрд евро, который, как сообщила Лагард в вышеупомянутой речи, мог бы увеличить потенциальный ВВП некоторых стран на 3 % к 2024 г. Эта перспектива также, вероятно, не будет реализована.

Новая речь Лагард в августе этого года в Джексон-Хоул, кажется, продолжает линию речи, произнесённой в октябре 2021 г. перед МВФ. Перемены, которые мы перенесли (пандемия, война, глобальная инфляция), указывают на то, что *«мы можем вступить в эпоху изменений экономических отношений и разрывов устоявшихся закономерностей. [...] Мы живём в новую эпоху, прошлые закономерности больше не могут быть руководством к тому, как работает экономика»*. Лагард описывает геополитическую картину в мрачных тонах: *«Мы столкнулись с постоянно углубляющимся геополитическим расколом и экономикой, которая фрагментируется на конкурирующие блоки. Это сопровождается ростом уровня*

протекционизма, поскольку страны перестраивают свои цепочки поставок в соответствии с новыми стратегическими целями. За последнее десятилетие количество торговых ограничений выросло в десять раз, а промышленная политика, направленная на репатриацию и поддержку стратегических отраслей, расширяется. И хотя это ещё не привело к деглобализации, свидетельств изменения бизнес-моделей становится всё больше». Лагард считает, что «в эту эпоху неопределённости» центральному банку придётся адаптировать свои аналитические инструменты и «говорить о будущем, чтобы лучше понять неопределённость, с которой мы сталкиваемся».

В «эту эпоху неопределённости» рабочий класс должен поднять свой интернационалистский голос против всех империалистических держав и всех отрядов буржуазии, вступивших с ними в союз на том или ином фронте. Научный метод марксизма и ленинистская партия – вот что придаёт нам уверенность в начале нынешней смены эпох.

Декабрь 2023 г.

¹ - ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 399.

² - Там же. С. 398–399.

³ - Политику невмешательства.